

УДК 13

DOI: 10.34670/AR.2020.86.25.033

**Проблема открытости социальной системы и перспективы
экономического развития (в контексте дискуссии о перспективах
Affirmation Action)**

Колин Юрий Владимирович

Кандидат философских наук, докторант,
Южный федеральный университет,
344006, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42;
e-mail: rostovchanin-rostov@rambler.ru

Аннотация

В статье рассматриваются аспекты политики позитивной дискриминации в контексте ее влияния на процессы социальной интеграции, вертикальной социальной мобильности и темпы экономического развития. Произведен сравнительный анализ результатов применения моделей позитивной дискриминации в СССР и западных странах. Выявлены последствия отказа от политики позитивной дискриминации в современной России. Высокий уровень социального неравенства служит препятствием для функционирования социальных лифтов, расширения экономической активности и динамичного экономического роста. Актуальность анализа форм стимулирования вертикальной социальной мобильности заключается в потенциале влияния на экономический рост политики развития социальных лифтов в условиях высокого уровня социального неравенства и усиления тенденций общественной поляризации в мире. В статье обосновывается значимость государственных инвестиций в развитие прозрачной системы социальных лифтов для ускорения экономического роста и утверждается, что существует корреляция между уровнем вертикальной социальной мобильности и темпами экономического развития в долгосрочной перспективе. В статье ставится проблема значимости государственных инвестиций в развитие форм позитивной дискриминации как фактора повышения лояльности населения и ускорения экономического развития в долгосрочной перспективе. Данное исследование может быть рассмотрено как обзор примеров применения моделей позитивной дискриминации и приглашение к дальнейшей дискуссии по проблеме перспективности широкого применения моделей позитивной дискриминации как опосредованного фактора усиления общественной интеграции и стимулирования экономического роста.

Для цитирования в научных исследованиях

Колин Ю.В. Проблема открытости социальной системы и перспективы экономического развития (в контексте дискуссии о перспективах Affirmation Action) // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2020. Том 9. № 5А. С. 45-61. DOI: 10.34670/AR.2020.86.25.033

Ключевые слова

Открытая социальная система, социальное неравенство, социальная поляризация, общественная интеграция, позитивная дискриминация, коррупция, социальные инвестиции, общество равных возможностей, советское общество, вертикальная социальная мобильность.

Введение

Международное сообщество признало важность проблемы социального неравенства, включив ее в соглашение ООН 2015 г. по целям устойчивого развития. Социальное неравенство в мире достигло стадии, когда оно превратилось в серьезную помеху развитию [Григорьев, Павлюшина, 2018; Piketty, 2014; Stiglitz, 2012].

Продолжается тенденция концентрации мирового богатства в руках 1% населения, которое фактически управляет мировыми ресурсами [Piketty, 2014]. Закрытость высших социальных групп и распространенность различных форм nepoтизма, развитие плутократии [Bard, Söderqvist, 2012; Butcher, www] снижают легитимность элиты, ее компетентность и способность адекватно защищать общественные интересы, решать общественные проблемы. Неравенство в доходах и перспективах социального продвижения передается будущим поколениям [Corak, 2013].

Нобелевский лауреат Дж. Стиглиц утверждает, что в обществах с высоким уровнем социального неравенства не может быть эффективного функционирования его систем, так как высшая социальная группа сосредотачивает слишком большое количество власти и действия общества в этом случае направляются на преимущественную реализацию частных интересов данных групп, а не общественных интересов [Stiglitz, 2012].

Процессы общественной поляризации делают границу между высшими и низшими социальными группами абсолютной, приводят к консервации высших и низших социальных групп, размыванию среднего класса [Krueger, www] и тенденции формирования кастовой структуры общества, а также прекариата – нового класса униженных и оскорбленных, лишенных социальных прав и перспектив социального продвижения [Стэндинг, 2014].

Целью исследования служит анализ перспектив позитивной дискриминации в контексте ее влияния на уровень вертикальной социальной мобильности, социальной интеграции и – как опосредованный фактор – на перспективы экономического развития и сокращения социального неравенства.

В исследовании выдвигается следующая гипотеза: существует причинно-следственная связь между широким применением на государственном уровне программ позитивной дискриминации, усилением вертикальной социальной мобильности и перспективами экономического развития. Страны с высоким уровнем вертикальной социальной мобильности демонстрируют высокий уровень доверия к институтам власти, рост доходов населения и устойчивый экономический рост в долговременной временной перспективе по сравнению со странами с низкой вертикальной социальной мобильностью.

Новизна исследования заключается в анализе политики позитивной дискриминации как комплекса социальных инвестиций государства в функционирование социальных лифтов, способствующих сокращению социальной поляризации, повышению качества элиты и доверия населения к институтам власти, усилению общественной интеграции и в этом контексте

выступающих в качестве опосредованного стимула экономического развития.

Материалы и методы исследования основываются на сравнительном анализе опыта применения моделей позитивной дискриминации в СССР, странах Запада и Китае. Сравниваются результаты стимулирования функционирования социальных лифтов и повышения вертикальной социальной мобильности в СССР посредством политики позитивной дискриминации и результаты отказа от политики позитивной дискриминации в социальной сфере в современной России. Результаты применения в СССР политики позитивной дискриминации оцениваются на основе данных динамики уровня вертикальной социальной мобильности между поколениями. В западных странах применение позитивной дискриминации рассматривается с точки зрения оценки исследователями ее влияния на усиление социальной интеграции, повышение доступности для представителей низших слоев населения образовательной и политической сфер, преодоление последствий расовой сегрегации.

Исследование опирается на работы Corak, Piketty, Rajan, Sigal, Stiglitz, Zingales в контексте анализа корреляции уровней социального неравенства и вертикальной социальной мобильности.

Анализ применения моделей позитивной дискриминации в СССР проводится на основе исследований О.И. Шкаратана, касающихся процессов вертикальной социальной мобильности в СССР.

Анализ положительных и негативных аспектов моделей позитивной дискриминации в западных странах опирается на исследования Barnes, Fullinwider, Krueger, Nagel, рассматривающих влияние моделей позитивной дискриминации на реализацию фундаментальных прав личности, уровень социальной поляризации в сфере образования, политической сфере и в рамках решения проблемы расовой сегрегации.

Одной из основных методологических установок исследования служит положение о ключевой роли человеческого фактора в развитии экономики и социальной системы. В данном отношении важны исследования D. Bell роли человеческого капитала в постиндустриальном и информационном обществе. Исследование С. Handy важно в контексте анализа форм усиления вертикальной мобильности сотрудников и субсидиарной ответственности как способа повышения эффективности организации. Уровень социальной интеграции оценивается согласно мировому рейтингу Edelman критерия доверия к институтам власти в контексте корреляции уровня доверия к институтам власти и темпов экономического роста¹. Рассматривается тенденция снижения уровня вертикальной социальной мобильности в различных странах мира как фактор консервирования высокого уровня социального неравенства на основе исследования Piketty, а также на основе статистических данных OECD.

Общественная поляризация и вертикальная социальная мобильность: аспекты проблемы

В своей работе «Социология революции» П. Сорокин полагал, что причиной как Февральской, так и Октябрьской революции была неспособность низших социальных групп реализовать свои потребности, человеческий потенциал в силу сословной структуры

¹ См.: Edelman Trust Barometer 2020. URL: <https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2020-01/2020%20Edelman%20Trust%20Barometer%20Global%20Report.pdf>

российского общества [Сборник..., 2019].

Для общественного роста в постиндустриальную эпоху определяющими факторами становятся уровень развития человеческого капитала [Buckland, 2017], карьерный рост и возможности творческой самореализации граждан. По мнению исследователей, наибольшей эффективности организации способствует не столько повышение доходов сотрудников, сколько повышение их вовлеченности в деятельность организации, основанное на личностном росте сотрудников и возможностях карьерного продвижения [Handy, 2015].

Для экономического роста нужны возможности для карьеры, высокий уровень вертикальной социальной мобильности, сильные социальные лифты, в то время как, по данным исследователей, в современном обществе существуют гендерные, социальные и национальные ограничения вертикальной социальной мобильности [Corak, 2013; Income inequality and poverty, www].

Низкий уровень вертикальной социальной мобильности [Krueger, www] не способствует развитию человеческого капитала, гигантский разрыв в доходах и собственности высших и низших социальных групп служит стимулом социальной поляризации и показателем закрытости социальной системы и способствует низким темпам экономического роста. Высокий уровень социального неравенства служит препятствием для развития человеческого капитала, функционирования социальных лифтов, развития потребительского рынка и динамичного экономического роста [Krueger, www; 44].

Существует мировая тенденция повышения социальных барьеров между высшими и низшими социальными группами [Corak, 2013] и формирования «стеклянного потолка», непреодолимой границы между ними. По мнению исследователей, проблема закрытости социальной иерархии и непреодолимой границы между высшими и низшими социальными группами не может быть решена только в рамках свободной конкуренции и свободного рынка [Шваб, www], необходимо активное вмешательство государства.

Социальная поляризация способствует расширению процессов аномии [Crossman, www], девиантного поведения и отчуждения в обществе, травматизации массового сознания [Подберезкин, Жуков, 2020], что влияет на уровень социальной интеграции и снижает потенциал социальной и экономической активности, ограничивает экономический рост в долгосрочной перспективе.

Возникает глобальное противоречие между потребностями общества в развитии человеческого капитала, социальной интеграции, расширении механизмов обновления элиты, усилении стимулов экономического роста и процессами общественной поляризации, повышения социальных барьеров, жесткой иерархической структурой современного общества, ставящей непреодолимую границу для социального продвижения представителей низших социальных групп и повышения ими своего социального статуса.

Для успешного стимулирования экономического роста требуется усиление вертикальной социальной мобильности как одного из условий развития человеческого капитала, обновления и увеличения разнообразия социальной системы.

Высокий уровень социального неравенства и низкий уровень вертикальной социальной мобильности в значительной степени определяются неэффективной государственной политикой, направленной на повышение открытости социальной системы, стимулирование социального продвижения представителей низших социальных групп.

В этом отношении актуален анализ как моделей позитивной дискриминации, применяемых в рамках советского опыта, так и форм применения позитивной дискриминации в настоящее

время в развитых западных странах. Политика позитивной дискриминации направлена на долгосрочную перспективу с учетом последствий для общества преодоления закрытости социальной системы, дезинтеграции и отчуждения представителей низших социальных групп в политической и социальной сфере, а также деградации элиты и превращения ее в закрытую касту.

Сравнительный анализ стран на основе критериев уровня социальной интеграции, доверия к институтам власти [Fullinwider, www], темпов экономического роста и увеличения доходов на душу населения [Григорьев, Павлюшина, 2017] свидетельствует о том, что страны с высоким уровнем социальной интеграции, доверия к общественным институтам лидируют также по величине дохода на душу населения.

Социальные аспекты экономического развития

Экономическое развитие связано с ростом общего уровня и качества жизни населения – ростом продолжительности жизни, качества медицинского обслуживания, доступностью качественного образования, сокращением продолжительности рабочего дня, безопасностью граждан, а также со способностью общества абсорбировать инновации, способствующие качественному изменению социальной системы. Целью инноваций является достижение устойчивого развития общества, в котором удовлетворение экологических и экономических потребностей осуществляется сбалансированным образом.

По мнению исследователей, главным локомотивом прогресса служат инновации, где рост – это количественные изменения, а развитие – качественные положительные изменения, направленные на повышение качества жизни [Ziemnowicz, 2020]. К инновациям относятся изменения, которые серьезно повышают эффективность как экономической, так и социальной системы (социальные инновации).

Под социальными инновациями подразумевается развертывание технологий и новых бизнес-моделей для улучшения качества жизни людей и социальной инфраструктуры в соответствии с глобальными мегатенденциями.

Для того чтобы инновации эффективно продвигались и абсорбировались обществом, они должны быть реализованы наиболее способными, компетентными и талантливыми людьми, имеющими возможность занять высокое социальное положение в обществе, пройти траекторию от низших социальных позиций к высшим, что определяется поддержкой функционирования социальных лифтов, уровня открытости социальной системы со стороны государства.

Открытая социальная система как способная к обновлению система с высоким уровнем вертикальной социальной мобильности характеризуется широким спектром возможностей продвижения представителей низших социальных групп на более высокие социальные позиции с более высоким социальным статусом. Данные параметры определяются, в частности, на основе восходящей или нисходящей межпоколенческой динамики [Шкаратан, Ястребов, 2011]. Критерием социального продвижения в различных моделях может быть как социальное происхождение [Новосельцева, 2004], так и индивидуальное способности и уровень компетентности [Fullinwider, www], которые служат достаточными основаниями для продвижения по социальной лестнице и обновления социальной системы.

Проблема открытости социальной системы не только в важности анализа коррупционной составляющей продвижения по социальной лестнице и влиянии коррупции на общественное развитие. Существуют фундаментальные недостатки социальной структуры, которые нельзя

объективно отнести к коррупционной составляющей функционирования социальных институтов. Важны также анализ «культуры бедности», разрыв в качестве образования и возможностей продолжения образования представителей различных социальных групп, отсутствие достаточного количества качественных рабочих мест, культурные, этнические, национальные, социальные и групповые условия продвижения представителей различных социальных групп по социальной лестнице.

Влияние открытости социальной системы на процессы общественного развития заключается в более высоком уровне абсорбции инноваций и адаптации общества к внешним и внутренним вызовам по сравнению с закрытыми социальными системами с замкнутыми высшими социальными группами.

Обновление социальной структуры, высокий уровень вертикальной социальной мобильности создают возможности для формирования компетентной элиты, не потерявшей связь с обществом, общественными интересами, и условия для более высокого уровня социальной интеграции и преодоления общественной аномии, повышения уровня социальной стабильности.

Классическая фраза В.И. Ленина «кадры решают все» не потеряла своей актуальности в современном обществе и взята на вооружение крупнейшими транснациональными компаниями в Европе, Азии, Японии и Америки. Именно кадры, а если взять в более широком аспекте – граждане (их здоровье, образование, возможности социального продвижения), определяют потенциал экономического развития государства. Государственные инвестиции в развитие системы социальных лифтов служат одним из важнейших факторов обновления социальной и экономической системы и важным элементом экономического развития общества.

Модели позитивной дискриминации: аспекты советского и западного опыта

Критерий социального происхождения [Новосельцева, 2004] как условие социального продвижения в СССР распространялся на все общественные сферы, был частью советской политики позитивной дискриминации и способствовал частичному уравниванию стартовых возможностей представителей высших и низших социальных групп [Данканич, 2011; Ильюхов, 2010]. В СССР уровень социального неравенства, разрыв между доходами высших и низших социальных групп, был одним из самых низких в мире (при общем невысоком уровне доходов населения): в 4 раза в СССР и примерно в 5,5-6 раз в европейских странах, в то время как в современной России и США данный разрыв достигает 15 раз [Данканич, 2011; Krueger, www].

Политика позитивной дискриминации в СССР [Новосельцева, 2004] способствовала тому, что подавляющее большинство представителей высшей советской элиты и все руководители советского государства (кроме Ленина) были выходцами из семей рабочих и крестьян. Данный факт можно рассматривать как один из примеров социальной интеграции советского общества в результате политики позитивной дискриминации.

С точки зрения социальной динамики между поколениями критерий социального происхождения был одним из факторов, способствующих высоким показателям вертикальной социальной мобильности в советский период. По данным за 1983 г. в СССР среди респондентов в возрасте 50-59 лет 82,1% имели социально-профессиональный статус выше, чем их родители, среди респондентов 40-49 лет – 74%, 30-39 лет – 67%, что служит примером высокого уровня социального продвижения в советском обществе [Новосельцева, 2004; Шкаратан, 1987; Шкаратан, Ястребов, 2011].

Периоды быстрого общественного роста в СССР [СССР..., 1960-1991; Harrison, 2017] коррелируют с периодами максимально широкого применения политики позитивной дискриминации и стимулирования высокого уровня вертикальной социальной мобильности [Новосельцева, 2004; Шкаратан, 1987; Шкаратан, Ястребов, 2011].

Примеры быстрого общественного развития в процессе индустриализации СССР [Harrison, 2017; Moorsteen, 1962] и в Китае с 1970-х гг. по настоящее время [Григорьев, Павлюшина, 2018; Сюй, 2006] имеют некоторые общие черты. Это масштабная активизация социальных лифтов на основе политики позитивной дискриминации.

Статистические данные на примере развития СССР позволяют сделать вывод о том, что политика стимулирования вертикальной социальной мобильности может служить одним из опосредованных факторов повышения открытости социальной системы и стимулирования экономического роста вследствие широкого использования личностного потенциала представителей низших социальных групп в общественном развитии.

Политика позитивной дискриминации в конце советского периода формально существовала, но фактически была свернута, образовалась закрытая социальная группа, высшая социальная каста («номенклатура»), что, по мнению исследователей, послужило одной из причин застоя и распада СССР [Восленский, 2005; Назаров, 1984].

Деградация советской политики стимулирования открытости социальной системы и отмена критерия социального происхождения как условия продвижения по социальной лестнице в конце советского периода коррелируют с периодом, когда экономический рост в СССР принял отрицательное значение, а уровень вертикальной социальной мобильности достиг минимума [Восленский, 2005].

В западных странах перспективы развития либерального общества рассматриваются в настоящее время не только с точки зрения развития демократии, как в концепции открытого общества Поппера, но также и как развитие социальной системы, дающей всем гражданам равные возможности социального продвижения [Fullinwider, www]. Западные общества в настоящее время используют гибкую интегративную стратегию по отношению к моделям социального развития, направленную на конвергенцию классических рыночных моделей развития и моделей, не вписывающихся в классическое понимание либерального общества. В рамках данной стратегии западные демократии частично отказались от классического понимания либеральной модели в части отказа от государственного стимулирования вертикальной социальной мобильности и формы повышения ее эффективности рассматривают как один из путей развития либерального общества.

В данном аспекте одной из форм ограничения социального неравенства и общественной поляризации в западном обществе служат программы позитивной дискриминации (Affirmative Action). В качестве компенсаторной справедливости [Atkinson, 2019; Dupper, Sankaran, 2014; Nagel, 1973] программы позитивной дискриминации направлены на повышение уровня социальной интеграции [Barnes, 2011] и усиление вертикальной социальной мобильности низших социальных групп по социальным, расовым, национальным или гендерным критериям. Политика ограничения социальных разрывов и увеличения экономических возможностей низших социальных групп применялась в качестве одного из способов преодоления Великой депрессии в 1930-е гг. [Beaudreau, 2020], что также коррелирует с последующим быстрым экономическим ростом в США. Уравниванию стартовых позиций представителей различных социальных групп для продвижения по социальной лестнице как условия достижения правового равенства придавал большое значение президент США Ф. Рузвельт, предложивший принять

Второй Билль о правах (Second Bill of Rights), посвященный социальным правам [Sunstein, 2004].

Проблема социального неравенства и вертикальной социальной мобильности в современной России в контексте эффективности форм социального продвижения

По мере перехода России к рыночной экономике, в рамках либеральной концепции и критики тоталитарного прошлого, были отменены формы позитивной дискриминации, существовавшие в СССР. Утверждения о том, что политика положительной дискриминации может быть не свидетельством обращения к тоталитарному прошлому, а путем к динамичному развитию России, непопулярны в среде современных российских исследователей. В то же время отказ от политики позитивной дискриминации не способствовал увеличению открытости российской социальной системы по сравнению с советским обществом.

Сформировавшись после распада СССР, в российском обществе с 2000-х гг. сохраняется ригидность высокого уровня социального неравенства и низкого уровня вертикальной социальной мобильности [Григорьев, Павлюшина, 2017; Салмина, www; Шкаратан, Ястребов, 2011], что коррелирует с невысокими темпами экономического роста в России². Социальное расслоение российского общества превышает по степени распределения доходов между высшей и низшей социальной группой аналогичные показатели Восточной Европы почти в два раза [Зуцман и др., www], в то время как темпы экономического роста в Восточной Европе в целом превышают аналогичные показатели России.

По данным исследователей, в высшей социальной группе, составляющей 3% населения, сосредоточено около 90% всей собственности и финансовых средств РФ, что превосходит показатели 1905 г. [Зуцман и др., www; Ремизов, www; Узбекова, www; Шаповалов, Бутрин, www]. Доля богатства, которой владеет верхний дециль в России (фактически 1%), составляет 86%, в Бразилии – 73%, в США – 75%, в Великобритании – 54%³.

Аналитики говорят об избыточности уровня социального неравенства в России и его устойчивой структуре с начала 2000-х гг. [Салмина, www].

На долю 10% самых обеспеченных граждан приходится 82% всего личного богатства в России, согласно данным отчета о мировом благосостоянии Global Wealth Report (2018 г.), подготовленного банком Credit Suisse. По уровню концентрации богатства Россия впереди США, где на долю 10% самых обеспеченных граждан приходится 76% общих личных доходов в стране. В Китае 10% самых обеспеченных граждан обладают 62% совокупных личных доходов населения [Григорьев, Павлюшина, 2018].

По данным исследователей, высокий уровень социального неравенства в России коррелирует с низким уровнем вертикальной социальной мобильности и низкими темпами экономического роста [Шкаратан, Ястребов, 2011].

В российском обществе продолжают процессы социальной поляризации: вопреки существующей тенденции общего снижения располагаемых доходов граждан [Прокофьев,

² См. Report for selected countries and subjects, world economic outlook database, April 2018, International Monetary Fund.

³ См. Report for selected countries and subjects, world economic outlook database, April 2018, International Monetary Fund.

www], согласно исследованию Global Wealth Report (2016 г.), РФ вышла на третье место в мире (96 человек) по количеству долларовых миллиардеров, уступая только США и Китаю [Седлов, Аликина, www].

Разрыв между высшими и низшими социальными группами в российском обществе достигает 15 раз при сохраняющейся тенденции общественной поляризации (сокращения располагаемых доходов низших групп населения и увеличения концентрации доходов в высшей социальной группе) [Григорьев, Павлюшина, 2017; Данканич, 2011].

По мнению некоторых исследователей, «утечка мозгов», потеря Россией своего человеческого капитала вследствие эмиграции, невозможности высококвалифицированным работникам реализовать свои возможности социального продвижения, стала одной из самых ощутимых потерь России с момента распада СССР, серьезно ограничивших ее потенциал экономического роста [Григорьев, Павлюшина, 2017].

Без преодоления глубинных социальных разрывов развития форм социального продвижения представителей низших социальных групп основным бенефициаром экономического роста становится закрытая высшая группа российской бизнес-элиты (3% российского населения), владеющей в настоящий момент 90% всей российской собственности [Шаповалов, Бутрин, www], что создает условия для нестабильности российского общества и снижения темпов экономического развития.

Сокращению социальных разрывов российского общества могло бы способствовать возвращение России к политике государственного стимулирования социального продвижения представителей низших социальных групп на основе советского и западного опыта применения моделей позитивной дискриминации.

Результаты и обсуждение

- 1) Наблюдается зависимость в долговременной перспективе между высоким уровнем социального неравенства, низким уровнем вертикальной социальной мобильности и низким уровнем экономического роста.
- 2) В условиях высокого уровня социальной поляризации реализация программ позитивной дискриминации приобретает значительную актуальность и представляет опосредованный фактор ускорения экономического роста.
- 3) Применение моделей позитивной дискриминации на Западе и в СССР показало их высокую эффективность в сферах межнациональных отношений, образования и политики.
- 4) На данный момент не существует исследований по проблеме оценки позитивной дискриминации как фактора сокращения социальной поляризации и опосредованного стимула ускорения экономического роста.
- 5) Значимость позитивной дискриминации для развития социальной интеграции и усиления вертикальной социальной мобильности требует дальнейшего исследования и продолжения дискуссии о позитивных и негативных аспектах позитивной дискриминации как одного из стимулов формирования открытой социальной системы – сокращения социального неравенства и ускорения экономического роста.

В настоящее время в США, в противоположность Великобритании, усиливаются призывы к возвращению к классическим принципам либерализма – свободной конкуренции и равенству прав всех индивидов, что подразумевает ограничение программ позитивной дискриминации как несоответствующих рыночным принципам и дающих нерыночное преимущество

представителям одной из социальных групп [Вендик, www; Williams, 2013].

Сторонники классической либеральной модели «общества равных возможностей» полагают, что личные способности в условиях свободного рынка и преодоления явных форм социальной, национальной или расовой дискриминации в демократическом обществе открывают возможности достижения представителями низших социальных групп высших статусных позиций в обществе без непосредственного активного государственного вмешательства в процессы вертикальной социальной мобильности. В данной концепции «равенство возможностей» и вертикальная социальная мобильность рассматриваются вне государственного вмешательства как стихийный результат развитых демократических норм и рыночной экономики.

В демократическом обществе, без непосредственной государственной поддержки, совокупность личных усилий способна привести к продвижению по социальной лестнице представителей низших социальных групп. Развитие либерального общества приводит к образованию новых качественных рабочих мест и расширению возможностей социального продвижения для представителей низших социальных групп.

По мнению противников позитивной дискриминации, директивное, недемократическое (безотносительное к правам других социальных групп) расширение прав одних социальных групп ограничивает возможности социального продвижения представителей других социальных групп безотносительно к их реальным усилиям, возможностям и способностям по сравнению с представителями социальных групп, находящихся в рамках программ позитивной дискриминации.

Апеллируя к принципам свободы выбора и социальной справедливости на индивидуальном уровне, противники позитивной дискриминации утверждают о недемократичности и нарушении данными программами базовых прав личности, принципа равных возможностей и равенства всех граждан перед законом. Преимущественное право социального продвижения представителей низших социальных групп при прочих равных условиях нарушает базовые принципы либерального общества: нормы рыночной экономики и равное право всех граждан на реализацию своих возможностей и способностей, независимо от их национальной, социальной или расовой принадлежности.

Последователи классической модели «общества равных возможностей» полагают, что только индивидуальные усилия личности открывают перед ней перспективы социального продвижения в условиях демократии, когда в обществе нет явных форм национального и социального угнетения. Приводятся многочисленные примеры личностей «self-made men» [Small, Harding, Lamont, 2010], которые всего добились своими личными усилиями, вопреки неблагоприятным обстоятельствам.

Либеральная стратегия «равных возможностей» не может считаться достаточно эффективной и не подтверждена на статистически значимом уровне в качестве единственно возможной для развития современного общества. Индивидуальных усилий недостаточно для социального продвижения, в противном случае в обществе не существовало бы гигантского разрыва между высшими и низшими социальными группами, в том числе по отношению к собственности [Piketty, 2014]. Сохранение тенденций социальной поляризации и «консервации бедности» в рамках низших социальных групп подтверждается на высшем официальном уровне представителями развитых стран [Салмина, www; Krueger, www].

Широкое внимание исследователей, политиков и социальных активистов к проблеме позитивной дискриминации в западном обществе [Rajan, Zingales, 2004; Sander, 2004]

доказывает актуальность государственного стимулирования социального продвижения представителей низших социальных групп. Растущая социальная поляризация в современном мире [Piketty, 2014] показывает недостаточную эффективность концепции «равных возможностей», утверждающей о способности свободного рынка самого по себе, в рамках демократических норм, стихийно продвигать в элиту наиболее талантливых представителей низших социальных групп и «уравнять» социальные диспропорции капитализма.

Сторонники позитивной дискриминации утверждают, что принципы «равных возможностей», свободы выбора и равенства прав личности не могут быть реализованы сами по себе, безусловно, без активного вмешательства государства, направленного на формирование открытой социальной системы с прозрачными социальными лифтами и критериями социального продвижения [Лондон..., www]. Несмотря на приоритетную значимость в демократическом обществе прав личности, их реализация коррелирует с преодолением исторических последствий расовой, социальной и национальной дискриминации.

Преодоление в современном обществе существовавших ранее явных форм социального угнетения не отменяет их долговременных последствий для представителей угнетаемых ранее социальных групп и изначально ограничивает их возможности социального продвижения, что создает серьезные ограничения для «стихийного» воплощения модели «общества равных потребностей».

Принципы социальной справедливости и свободы выбора не могут быть эффективно реализованы в условиях растущей социальной поляризации, что является следствием существующих и существовавших форм угнетения и дискриминации. Многие источники дискриминации находятся в историческом прошлом развитых стран, их последствия оказывают значительное влияние на современную общественную жизнь, формируя закрытые социальные группы и ограничивая стартовые условия представителей низших социальных и национальных групп, что в результате приводит к аномии, дестабилизации всего общества и сокращению потенциала экономического роста.

Различные социальные группы имеют огромный стартовый разрыв в возможностях социального продвижения. «Культура бедности» [Cohen, www; Small, Harding, Lamont, 2010], передаваемая из поколения в поколение, неизжитые формы социального угнетения, создают «стеклянный потолок» [Small, Harding, Lamont, 2010] для социального продвижения представителей низших социальных групп.

Выравнивание стартовых условий в результате позитивной дискриминации является условием реализации индивидуальных прав личности, ее свободы выбора, принципа «равных возможностей». Неравенство культурного, социального и финансового капитала, в рамках которого оказываются представители различных социальных групп уже при рождении, как показывают исследования, оказывает решающее влияние на социальное продвижение, значительно ограничивая уже при рождении возможности реализации представителями низших социальных групп своих прав [Corak, 2013].

Защитники позитивной дискриминации рассматривают значимые результаты позитивной дискриминации: снижение уровня отчуждения и усиление социальной интеграции в обществе, повышение уровня доверия к политическим институтам и гражданского участия низших социальных групп, преодоление последствий расовой сегрегации в сфере труда и образования [Boddie, 2016; Fullinwider, www; Sigal, 2015].

Модели позитивной дискриминации ограничивают возможности одних социальных групп за счет предоставления преимущественных прав другим социальным группам, в то же время

уравнивание «стартовых возможностей» социального продвижения представителей различных социальных групп способно оказать значительное влияние на повышение уровня открытости социальной системы (развитие человеческого капитала, гражданского участия и социальной интеграции).

Выравнивание стартовых условий представителей низших и высших социальных групп способствует сокращению социальной поляризации, развитию социальной системы и, как следствие, повышению уровня социальной интеграции и общественной стабильности, ускорению экономического роста. Все социальные группы становятся «выгодополучателями» социального развития и экономического роста, что в определенной степени снимает проблему ограничения прав одних социальных групп ради расширения возможностей социального продвижения представителей других социальных групп.

Рассмотрения требует проблема поиска баланса между политикой выравнивания стартовых условий представителей различных социальных групп и принципом равенства индивидуальных возможностей личности на социальное продвижение безотносительно к ее социальному происхождению. Дальнейшие исследования необходимы для выявления корреляции между уровнем экономического роста и уровнем вертикальной социальной мобильности (насколько они способны влиять друг на друга, какие негативные и позитивные эффекты это вызывает).

Одним из направлений дальнейших исследований может служить анализ советского и западного опыта применения моделей позитивной дискриминации, особенно в периоды, когда рост советской и западной экономики был максимальным.

Заключение

В современном обществе существует высокий уровень социального неравенства и востребована государственная политика, направленная на повышение социальной интеграции, увеличение вертикальной социальной мобильности и сокращение социальной поляризации.

Актуальность западных и советских моделей позитивной дискриминации основывается на глобальной тенденции консервации высокого уровня социального неравенства в современном мире, что создает опасность деградации институтов демократии и правящей элиты в результате сокращения темпов экономического роста и превращения социальных групп в замкнутые касты. Ограниченное применение моделей позитивной дискриминации в западных странах, несмотря на позитивные эффекты, не способно переломить глобальную тенденцию концентрации власти и богатства в руках 1% населения земного шара и превращения элиты в малочисленную и замкнутую касту избранных, получающих свой статус по наследству.

Высокий уровень вертикальной мобильности отмечается исследователями в качестве одного из основных условий, определяющих уровень социальной интеграции. И здесь опыт широкого применения моделей позитивной дискриминации, направленных на увеличение вертикальной социальной мобильности, может оказаться востребованным как в России, так и в мире как способ увеличения вклада низших социальных групп в общественное богатство и ускорение общественного роста.

Несмотря на существенные различия программ позитивной дискриминации в СССР и на Западе, они имели положительный эффект в аспекте социальной интеграции, обеспечив более широкое представительство в сферах образования, науки и государственном аппарате представителей социальных, гендерных, национальных и расовых групп, находившихся на низших ступенях социальной иерархии.

Корреляция низкого экономического роста, низкого уровня вертикальной социальной мобильности и высокого уровня социальной поляризации делает перспективным дальнейшее исследование моделей позитивной дискриминации как способа сокращения социальной поляризации.

Уровень внимания исследователей и институтов власти к проблеме позитивной дискриминации как фактора сокращения социальной поляризации и опосредованного фактора ускорения экономического роста не может считаться достаточным. Если в современных российских исследованиях проблема позитивной дискриминации почти не рассматривается в позитивном ключе, то в зарубежных исследованиях акцент делается на анализе эффектов усиления вертикальной социальной мобильности в рамках социально-этических критериев: сокращения социального неравенства, развития социальной интеграции и человеческого потенциала. Анализ возможностей усиления вертикальной социальной мобильности посредством государственной политики позитивной дискриминации как фактора ускорения экономического роста выходит из поля зрения исследователей и в настоящее время не рассматривается.

Государственная политика стимулирования вертикальной социальной мобильности, расширение перспектив социального продвижения для низших социальных групп могут служить значимым фактором повышения качества человеческого капитала, увеличения гражданского участия и вклада низших социальных групп в экономическое развитие и, как следствие, расширения жизненных перспектив представителей всех социальных групп общества.

Уровень открытости социальной системы служит одним из основных критериев жизнеспособности социальной системы и ее эффективности.

Библиография

1. Вендик Ю. «Позитивная дискриминация» в США. Что это такое и почему Трамп ее упраздняет. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-44767737>
2. Восленский М.С. Номенклатура: господствующий класс Советского Союза. М., 2005. 640 с.
3. Григорьев Л.М., Павлюшина В.А. Межстрановое неравенство: динамика и проблема стадий развития // Вопросы экономики. 2018. № 7. С. 5-29.
4. Григорьев Л.М., Павлюшина В.А. Социальное неравенство как проблема экономической стратегии России // Мир новой экономики. 2017. № 3. С. 58-71.
5. Данканич С.А. Неравенство доходов населения: виды и последствия // Проблемы современной экономики. 2011. № 3. С. 59-63.
6. Зуцман Г., Радайкин Е., Пикетти Т., Новокмет Ф. Статобзор: от Советов к олигархам: неравенство и собственность в России, 1905-2016. URL: <https://lenincrow.com/statistical-review-3/>
7. Ильюхов А.А. Как платили большевики: политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917-1941 гг. М., 2010. 415 с.
8. Лондон защищает «позитивную дискриминацию». URL: http://news.bbc.co.uk/1/hi/russian/uk/newsid_7475000/7475423.stm
9. Назаров М.В. Класс господствующий и обреченный // Посев. 1984. № 11. С. 28-33.
10. Новосельцева Т.И. Выдвиженчество в кадровой политике советского государства в 1920-1930-е годы (на материалах Смоленской области): дис. ... канд. ист. наук. Смоленск, 2004. 263 с.
11. Подберезкин А.И., Жуков А.В. Травматизация сознания как новая форма политического насилия // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 2. С. 430-435.
12. Прокофьев В. Кудрин не исключает «социального взрыва» в России. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6558947>
13. Ремизов М. Патология неравенства. URL: <http://www.instrategy.ru/smi/article353.htm>
14. Салмина А. Избыточное неравенство и развитие человеческого потенциала. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/mi4wl32q33/direct/145045442.pdf>
15. Сборник научных трудов по материалам Международной научной конференции «Питирим Сорокин и

- парадигмы глобального развития XXI века». Сыктывкар, 2019. 272 с.
16. Седлов Д., Аликина К. Российские миллиардеры богатеют, а Россия – наоборот. URL: <https://www.rbc.ru/money/22/11/2016/583469339a7947f801d7631b>
 17. СССР в цифрах. М., 1960-1991.
 18. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М., 2014. 328 с.
 19. Сюй Я. Специфика социально-экономических преобразований в Китае: дис. ... канд. социол. наук. М., 2006. 158 с.
 20. Узбекова А. В Минфине предупредили о серьезных экономических проблемах. URL: https://rg.ru/2016/07/30/v-minfine-predupredili-o-sereznyh-ekonomicheskikh-problemah.html?utm_source=rnews
 21. Шаповалов А., Бутрин Д. Прогноз крепчает. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4052463>
 22. Шваб К. Какой капитализм нам нужен. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/12/01/817593-klaus-shvab>
 23. Шкаратан О.И. Опыт исследования социального воспроизводства в городах СССР // Человеческий фактор в социальном воспроизводстве (междисциплинарные исследования). М., 1987. С. 90-91.
 24. Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Сравнительный анализ процессов социальной мобильности в СССР и современной России // Общественные науки и современность. 2011. № 2. С. 5-28.
 25. Atkinson A. Measuring poverty around the world. Princeton University Press, 2019. 464 p.
 26. Bard A., Söderqvist J. The futurica trilogy. New York: Stockholm, 2012. 738 p.
 27. Barnes K. Is affirmative action responsible for the achievement gap between black and white law students? A correction, a lesson and an update // Northwestern University law review. 2011. Vol. 101. P. 791-812.
 28. Beaudreau B. The economics of speed: machine speed as the key factor in productivity. Springer, 2020. 122 p.
 29. Boddie E. The constitutionality of racially integrative purpose // Cardozo law review. 2016. Vol. 38. P. 531-550.
 30. Buckland M. Information and society. Cambridge: MIT Press, 2017. 232 p.
 31. Butcher B. Planet Plutocrat. The countries where politically connected businessmen are most likely to prosper. URL: <https://www.economist.com/international/2014/03/15/planet-plutocrat>
 32. Cohen P. 'Culture of poverty' makes a comeback. URL: <https://www.nytimes.com/2010/10/18/us/18poverty.html>
 33. Corak M. Income Inequality, equality of opportunity, and intergenerational mobility // Journal of economic perspectives. 2013. Vol. 27. No. 3. P. 79-102.
 34. Crossman A. The sociological definition of anomie. URL: <http://www.thoughtco.com/anomie-definition-3026052>
 35. Dupper O., Sankaran K. (eds.) Affirmative action: a view from the Global South. Africa Sun Media, 2014. 285 p.
 36. Fullinwider R. Affirmative action. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2018/entries/affirmative-action/>
 37. Handy C. The second curve: thoughts on reinventing society. London, 2015. 240 p.
 38. Harrison M. The Soviet economy, 1917-1991: its life and afterlife // The independent review. 2017. Vol. 22. No. 2. P. 199-206.
 39. Income inequality and poverty. URL: <https://www.oecd.org/social/inequality-and-poverty.htm>
 40. Krueger A.B. The rise and consequences of inequality in the United States. URL: <https://mileskorak.files.wordpress.com/2012/01/34af5d01.pdf>
 41. Moorsteen R. Prices and production of machinery in the Soviet Union in 1928-1958. Cambridge: Harvard University Press, 1962. 498 p.
 42. Nagel T. Equal treatment and compensatory discrimination // Philosophy and public affairs. 1973. Vol. 2. P. 348-363.
 43. Piketty T. Capital in the twenty-first century. Cambridge: Harvard University Press, 2014. 816 p.
 44. Rajan R., Zingales L. Saving capitalism from the capitalists. Princeton: Princeton University Press, 2004. 369 p.
 45. Sander R.H. A systemic analysis of affirmative action in American Law schools // Stanford law review. 2004. Vol. 57. P. 367-484.
 46. Sigal A. Race, class, and affirmative action. New York: Russell Sage Foundation, 2015. 348 p.
 47. Small M.L., Harding D.J., Lamont M. Reconsidering culture and poverty // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2010. Vol. 629. No. 1. P. 6-27.
 48. Stiglitz J.E. The price of inequality: how today's divided society endangers our future. New York: W.W. Norton & Company, 2012. 449 p.
 49. Sunstein C. The Second Bill of Rights: FDR's unfinished revolution – and why we need it more than ever. New York, 2004. 294 p.
 50. Williams D. Do racial preferences affect minority learning in law schools? // Journal of empirical legal studies. 2013. Vol. 10. P. 171-195.
 51. Ziemnowicz C. Joseph A. Schumpeter and innovation // Carayannis E.G. (ed.) Encyclopedia of creativity, invention, innovation and entrepreneurship. Springer, 2020.

The problem of the openness of social systems and prospects for economic development (in the context of the discussion about the prospects of Affirmation Action)

Yurii V. Kolin

PhD in Philosophy, Doctoral Student,
Southern Federal University,
344006, 105/42 Bolshaya Sadovaya st., Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: rostovchanin-rostov@rambler.ru

Abstract

The article studies the aspects of the positive discrimination policy in the context of their impact on the processes of social integration, vertical social mobility and the pace of economic development. It carries out a comparative analysis of the results of applying positive discrimination models in the USSR and Western countries and reveals the consequences of abandoning the policy of positive discrimination in modern Russia. The high level of social inequality is an obstacle to the functioning of social elevators, the expansion of economic activity and dynamic economic growth. The relevance of the analysis of forms of stimulating vertical social mobility lies in the potential impact of the policy of developing social elevators on economic growth in the context of high social inequality and increasing trends of social polarisation in the world. The article substantiates the importance of public investment in the development of a transparent system of social elevators to accelerate economic growth and argues that there is a correlation between the level of vertical social mobility and the pace of economic development in the long term. The article raises the problem of the importance of public investment in the development of forms of positive discrimination as a factor increasing the loyalty of the population and accelerating economic development in the long term.

For citation

Kolin Yu.V. (2020) Problema otkrytosti sotsial'noi sistemy i perspektivy ekonomicheskogo razvitiya (v kontekste diskussii o perspektivakh Affirmation Action) [The problem of the openness of social systems and prospects for economic development (in the context of the discussion about the prospects of Affirmation Action)]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 9 (5A), pp. 45-61. DOI: 10.34670/AR.2020.86.25.033

Keywords

Open social system, social inequality, social polarisation, social integration, positive discrimination, corruption, social investment, equal opportunity society, Soviet society, vertical social mobility.

References

1. Atkinson A. (2019) *Measuring poverty around the world*. Princeton University Press.
2. Bard A., Söderqvist J. (2012) *The futurica trilogy*. New York: Stockholm.

3. Barnes K. (2011) Is affirmative action responsible for the achievement gap between black and white law students? A correction, a lesson and an update. *Northwestern University law review*, 101, pp. 791-812.
4. Beaudreau B. (2020) *The economics of speed: machine speed as the key factor in productivity*. Springer.
5. Boddie E. (2016) The constitutionality of racially integrative purpose. *Cardozo law review*, 38, pp. 531-550.
6. Buckland M. (2017) *Information and society*. Cambridge: MIT Press.
7. Butcher B. *Planet Plutocrat. The countries where politically connected businessmen are most likely to prosper*. Available at: <https://www.economist.com/international/2014/03/15/planet-plutocrat> [Accessed 04/08/20].
8. Cohen P. 'Culture of poverty' makes a comeback. Available at: <https://www.nytimes.com/2010/10/18/us/18poverty.html> [Accessed 04/08/20].
9. Corak M. (2013) Income Inequality, equality of opportunity, and intergenerational mobility. *Journal of economic perspectives*, 27 (3), pp. 79-102.
10. Crossman A. *The sociological definition of anomie*. Available at: <http://www.thoughtco.com/anomie-definition-3026052> [Accessed 04/08/20].
11. Dankanich S.A. (2011) Neravenstvo dokhodov naseleniya: vidy i posledstviya [Income inequality of the population: types and consequences]. *Problemy sovremennoi ekonomiki* [Problems of modern economics], 3, pp. 59-63.
12. Dupper O., Sankaran K. (eds.) (2014) *Affirmative action: a view from the Global South*. Africa Sun Media.
13. Fullinwider R. *Affirmative action*. Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2018/entries/affirmative-action/> [Accessed 04/08/20].
14. Grigor'ev L.M., Pavlyushina V.A. (2018) Mezhranovoe neravenstvo: dinamika i problema stadii razvitiya [Cross-country inequality: the dynamics and the problem of development stages]. *Voprosy ekonomiki* [Issues of economics], 7, pp. 5-29.
15. Grigor'ev L.M., Pavlyushina V.A. (2017) Sotsial'noe neravenstvo kak problema ekonomicheskoi strategii Rossii [Social inequality as a problem of Russia's economic strategy]. *Mir novoi ekonomiki* [The world of the new economy], 3, pp. 58-71.
16. Handy C. (2015) *The second curve: thoughts on reinventing society*. London.
17. Harrison M. (2017) The Soviet economy, 1917-1991: its life and afterlife. *The independent review*, 22 (2), pp. 199-206.
18. Il'yukhov A.A. (2010) *Kak platili bol'sheviki: politika sovetskoj vlasti v sfere oplaty truda v 1917-1941 gg.* [How the Bolsheviks paid: the policy of the Soviet government in the sphere of labour remuneration in 1917-1941]. Moscow.
19. *Income inequality and poverty*. Available at: <https://www.oecd.org/social/inequality-and-poverty.htm> [Accessed 04/08/20].
20. Krueger A.B. *The rise and consequences of inequality in the United States*. Available at: <https://mileskorak.files.wordpress.com/2012/01/34af5d01.pdf> [Accessed 04/08/20].
21. *London zashchishchaet "pozitivnyuyu diskriminatsiyu"* [London defends positive discrimination]. Available at: http://news.bbc.co.uk/1/hi/russian/uk/newsid_7475000/7475423.stm [Accessed 04/08/20].
22. Moorsteen R. (1962) *Prices and production of machinery in the Soviet Union in 1928-1958*. Cambridge: Harvard University Press.
23. Nagel T. (1973) Equal treatment and compensatory discrimination. *Philosophy and public affairs*, 2, pp. 348-363.
24. Nazarov M.V. (1984) Klass gosподstvuyushchii i obrechennyi [The dominant and doomed class]. *Posev* [Sowing], 11, pp. 28-33.
25. Novosel'tseva T.I. (2004) *Vydvizhenchestvo v kadrovoi politike sovetskogo gosudarstva v 1920-1930-e gody (na materialakh Smolenskoj oblasti)*. Doct. Diss. [Promotion in the personnel policy of the Soviet state in the 1920s and 1930s (a case study of the Smolensk region). Doct. Diss.] Smolensk.
26. Piketty T. (2014) *Capital in the twenty-first century*. Cambridge: Harvard University Press.
27. Podberezkin A.I., Zhukov A.V. (2020) Travmatizatsiya soznaniya kak novaya forma politicheskogo nasiliya [Traumatisation of consciousness as a new form of political violence]. *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology], 20 (2), pp. 430-435.
28. Prokof'ev V. *Kudrin ne isklyuchaet "sotsial'nogo vzryva" v Rossii* [Kudrin does not rule out a "social explosion" in Russia]. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/6558947> [Accessed 04/08/20].
29. Rajan R., Zingales L. (2004) *Saving capitalism from the capitalists*. Princeton: Princeton University Press.
30. Remizov M. *Patologiya neravenstva* [The pathology of inequality]. Available at: <http://www.instrategy.ru/smi/article353.htm> [Accessed 04/08/20].
31. Salmina A. *Izbytochnoe neravenstvo i razvitie chelovecheskogo potentsiala* [Excessive inequality and human development]. Available at: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/mi4w132q33/direct/145045442.pdf> [Accessed 04/08/20].
32. Sander R.H. (2004) A systemic analysis of affirmative action in American Law schools. *Stanford law review*, 57, pp. 367-484.
33. *Sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Pitirim Sorokin i paradigmy global'nogo razvitiya XXI veka"* [Proc. Int. Conf. "Pitirim Sorokin and the paradigms of global development in the 21st century"] (2019). Syktyvkar.

34. Sedlov D., Alikina K. *Rossiiskie milliardery bogateyut, a Rossiya – naoborot* [Russian billionaires are getting richer, while Russia is getting poorer]. Available at: <https://www.rbc.ru/money/22/11/2016/583469339a7947f801d7631b> [Accessed 04/08/20].
35. Shapovalov A., Butrin D. *Prognoz krepchaet* [The forecast is getting stronger]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4052463> [Accessed 04/08/20].
36. Shkaratan O.I. (1987) Opyt issledovaniya sotsial'nogo vosproizvodstva v gorodakh SSSR [The experience of carrying out research on social reproduction in the cities of the USSR]. In: *Chelovecheskii faktor v sotsial'nom vosproizvodstve (mezhdistsiplinarnye issledovaniya)* [The human factor in social reproduction (interdisciplinary research)]. Moscow, pp. 90-91.
37. Shkaratan O.I., Yastrebov G.A. (2011) Sravnitel'nyi analiz protsessov sotsial'noi mobil'nosti v SSSR i sovremennoi Rossii [Comparative analysis of social mobility processes in the USSR and modern Russia]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 2, pp. 5-28.
38. Shvab K. *Kakoi kapitalizm nam nuzhen* [What kind of capitalism do we need?]. Available at: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/12/01/817593-klaus-shvab> [Accessed 04/08/20].
39. Sigal A. (2015) *Race, class, and affirmative action*. New York: Russell Sage Foundation.
40. Small M.L., Harding D.J., Lamont M. (2010) Reconsidering culture and poverty. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 629 (1), pp. 6-27.
41. *SSSR v tsifrakh* [The USSR in figures] (1960-1991). Moscow.
42. Standing G. (2011) *The Precariat: the new dangerous class*. Bloomsbury. (Russ. ed.: Standing G. (2014) *Prekariat: novyi opasnyi klass*. Moscow.)
43. Stiglitz J.E. (2012) *The price of inequality: how today's divided society endangers our future*. New York: W.W. Norton & Company.
44. Sunstein C. (2004) *The Second Bill of Rights: FDR's unfinished revolution – and why we need it more than ever*. New York.
45. Uzbekova A. *V Minfine predupredili o ser'eznykh ekonomicheskikh problemakh* [The Ministry of Finance has warned of serious economic problems]. Available at: https://rg.ru/2016/07/30/v-minfine-predupredili-o-sereznyh-ekonomicheskikh-problemah.html?utm_source=rnews [Accessed 04/08/20].
46. Vendik Yu. *“Pozitivnaya diskriminatsiya” v SShA. Chto eto takoe i pochemu Tramp ee uprazdnyayet* [Positive discrimination in the United States. What is it and why is Trump abolishing it]. Available at: <https://www.bbc.com/russian/features-44767737> [Accessed 04/08/20].
47. Voslenskii M.S. (2005) *Nomenklatura: gospodstvuyushchii klass Sovetskogo Soyuza* [The nomenklatura: the Soviet ruling class]. Moscow.
48. Williams D. (2013) Do racial preferences affect minority learning in law schools? *Journal of empirical legal studies*, 10, pp. 171-195.
49. Xu Y. (2006) *Spetsifika sotsial'no-ekonomicheskikh preobrazovaniy v Kitae. Doct. Diss.* [The specifics of socioeconomic transformations in China. Doct. Diss.] Moscow.
50. Ziemnowicz C. Joseph A. (2020) Schumpeter and innovation. In: Carayannis E.G. (ed.) *Encyclopedia of creativity, invention, innovation and entrepreneurship*. Springer.
51. Zucman G., Radaikin E., Piketty T., Novokmet F. *Statobzor: ot Sovetov k oligarkham: neravenstvo i sobstvennost' v Rossii, 1905-2016* [From Soviets to oligarchs: inequality and property in Russia 1905-2016]. Available at: <https://lenincrew.com/statistical-review-3/> [Accessed 04/08/20].